

Научная статья

УДК 34.096

DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-3-5-11

Западный край Российской империи и Польское восстание 1830–1831 гг.: вариант практики «русификации» региона

Николай Иванович Красняков

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

n.krasnyakov@nsu.ru

Аннотация

Определяются некоторые исходные позиции в исследовании этнополитики в отдельно взятом регионе Российской империи – западном крае, при этом устанавливается взаимосвязь таких категорий как империя, многоукладность, русификация, унификация, государственное единство в контексте Польского восстания 1830–1831 гг. На основе законодательства и архивных материалов последовательно рассматриваются условия, идеи, направления, этапы и средства включения возвращенных от Польши территорий в единое политико-правовое пространство имперского государства. Утверждается мысль и создается убеждение, что государственное единство Российской империи определялось исторически сложившимися условиями цивилизационного порядка как в центре, так и в регионах.

Ключевые слова

Российская империя, этнополитика, регион, многоукладность, унификация, иерархическая структура

Для цитирования

Красняков Н. И. Западный край Российской империи и Польское восстание 1830–1831 гг.: вариант практики «русификации» региона // Юридическая наука и практика. 2022. Т. 18, № 3. С. 5–11. DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-3-5-11

The Western Edge of the Russian Empire and the Polish Uprising of 1830–1831: A Variant of Practice of “Russification” of the Region

Nikolay I. Krasnyakov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

n.krasnyakov@nsu.ru

Abstract

Some initial positions in the study of ethnopolitics in a particular region of the Russian Empire – the western region – are determined, while the interrelation of such categories as empire, multiculturalism, Russification, unification, state unity in the context of the Polish Uprising of 1830–1831 is established. On the basis of legislation and archival materials, the conditions, ideas, directions, stages and means of including the territories returned from Poland into the unified political and legal space of the imperial state are consistently considered. The author asserts the idea and creates the belief that the state unity of the Russian Empire was determined by the historically established conditions of the civilizational order both in the center and in the regions.

Keywords

Russian Empire, Ethnopolitics, region, multiculturalism, unification, hierarchical structure

For citation

Krasnyakov N. I. The Western Edge of the Russian Empire and the Polish Uprising of 1830–1831: A Variant of Practice of “Russification” of the Region. *Juridical Science and Practice*, 2022, vol. 18, no. 3, pp. 5–11. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-3-5-11

Политико-правовая категория «империя» и связанные с ней вопросы сравнительно-правового, теоретико-историко-правового характера в настоящее время выступают широкой базой для научной дискуссии, поскольку имперский фактор государственности имеет фундаментальный смысл в общественном сознании и междисциплинарное значение в научных исследованиях различных отраслей знания. Тем более, что империи характеризуются динамическими свойствами иерархий общества, государства, права и на методологическом уровне позволяют обозначать и квалифицировать культурно-идеологические, социально-экономические и политические условия эволюции, в том числе это касается Российской империи. При всей сложности идентификации категории «империя», во многом идеологической и оценочной современной составляющей этого предмета изучения, тем не менее предпринимаются попытки отразить и ее государственно-правовую природу и выделить «юридические признаки» [1].

В исследовании мы будем исходить из того постулата, что формирование и реализация регионального управления в империи и соответственно этнополитики – процесс длительный и зависит от ряда особенностей вне- и внутрирегионального характера: этнокультурных и религиозных традиций, времени вхождения территории в состав империи, оформления и организации административной системы региона, возможности самостоятельной деятельности важнейших институтов управления данной территории в различной политической и правовой ситуации, взаимоотношений региона и центра, соотношения доверия-усмотрения и господства-иерархии между структурами государственной власти на местах и сферой местного управления [3].

Однако важно и стоит признать факт того, что для укрепления империи необходимо было создать критическую массу русского населения по всей территории государства, которое и стало этнодемографической основой государственной целостности, потому важнейшую роль в империостроительстве должны были сыграть не столько военные и чиновники, сколько крестьяне-переселенцы, русский язык и общеимперское образование. При этом заметим, что время от времени возобновляющаяся дискуссия относительно принудительной русификации национальных регионов, по нашему убеждению, имеет мало оснований для логического вывода ввиду размытости самого понятия, заведомо во многом негативного смысла ему придаваемого и, наконец, закономерности самой практики такого расселения в составе империи. В рамках того, что элементы деконцентрации и общественного самоуправления всегда сохранялись во внутреннем устройстве России, как подчеркивает известный историк права Л. Е. Лаптева [4, с. 197], а в основе сословного деления населения окраин на законодательном уровне гарантировались иные вероисповедания и местные обычаи, можно заключить, что основные права всего народонаселения империи – и внутренних губерний и национальных регионов определялись из единых подходов верховной власти. Следует признать полезным обобщение принудительной интеграционной политики имперского центра в западных административно-обособленных национальных территориях, выделенное известным специалистом А. И. Миллером, которое нашло выражение в употреблении понятия «многообразие русификаций» – пространства, религиозная, языковая, культурная. Ученый, ссылаясь на обобщенные данные, перечисляет еще и такие виды: спонтанная, административная, насильственная (стремление насадить русский язык и православие) и, наконец, христианизация, ассимиляция, сближение, слияние, цивилизация, обрусение [5, с. 344]. В том же контексте американский исследователь Эдвард Таден, стараясь перевести смысл понятия «русификация» в содержательный аспект, выделяет административную и культурную русификацию, а кроме того еще одну – совершенно отдельную, незапланированную – «само по себе происходящее» обрусение [6, с. 250].

К началу XIX в. лишь в Белоруссии действовали общеимперские административные и судебные учреждения, а в губерниях Минской, Изяславской и Брацлавской (основная часть присоединенных по второму разделу территорий), а также в Виленской и Слонимской (присоединенная по третьему разделу Литва) были сохранены местные начала в управлении. С началом XIX в., после павловских противоречивых преобразований, вступление на престол императора Александра I, как известно, связывали с утверждением либеральных планов, реформ государственного строительства и продолжением политики преобразований в духе легитимной монархии Екатерины II. Показательно для государственного единства, что уже 1 января 1802 г.¹ при изменении штатов губерний от 9 сентября 1801 г. в присоединенные ранее от Польши губернии назначены «по примеру Великороссийских Губерний, в каждом уезде по одному землемеру», т. е. в очередной раз западный край идентифицируется российской территорией. Указ от 19 мая 1802 г. раскрывает базирующиеся на общегосударственных интересах подходы нового монарха в отношении западных губерний: «почитаем справедливым постановить отныне, чтоб во всех сих губерниях назначение на места от избрания Дворянства зависящие, включая и Земские суды, производимо было на точном единообразном порядке в Учреждении о губерниях предписанном»². Как видим, принципиально изменена юридическая норма положения «суда и расправы» в редакции Павловского указа, подчеркнута правило о законности жалованной грамоты дворянству в применении ее к выборам судей, подчиненность учреждений западных губерний Сенату, роль которого в надзоре за местным управлением являлась определяющей. В правовом регулировании поземельных правоотношений указом 1815 г. акцент смещался в столицу, предписывалось решенные и нерешенные межевыми судами дела формировать в реестры для представления их к министру юстиции и дальнейшего составления единой для России ведомости³, следовательно, распределение земельных владений окончательно переходило в руки центральных властей.

Продолжая политическими средствами ликвидировать управленческую традицию шляхетного дворянства, Александр I регламентирует деятельность сеймиков (концентрирующие не только местные, но и государственные полномочия областные дворянские съезды)⁴. Были утверждены правила о выборах в сеймики: право голоса, возможности быть избранным на должности, а также контроль губернаторов по их составу, за деятельностью руководивших сеймиками маршалов, за дворянской кассой и несением земских повинностей и сборов. Проблему возникшего перераспределения власти на местах решило толкование прав местной и преимуществ коронной администрации в 1809 г.⁵: в ситуации, если губернатором «принятые меры к прекращению беспорядков окажутся слабы, или будут в его стороны в сем случае какое упущение», то он увольнялся, в то же время требовалось «тех из дворян, которые объявятся зачинщиками... отсылать к суду, а последователей их лишать на все трехлетие право избрания». Значимое место сеймиков, таким образом, было полностью сведено к подчиненному положению, ответственность устанавливалась на основе имперского законодательства, и с ними уже никак не отождествлялись идеи автономного бытия в управлении. Квалифицировать в дальнейшем созданные правовые условия административного строя края в качестве «привилегий» уже было невозможно, его принципы имели мало различий с Россией. Потому в присоединенной к России по Тильзитскому договору в 1807 г. Белостокской области по императорскому указу 1808 г. были созданы типовые территориальные правительственные учреждения: областное правление, главный суд, приказ общественного призрения, дворянская дума и врачебная

¹ Полное собрание законов Российской империи—1. Т. 27. № 20099 (далее – ПСЗРИ).

² ПСЗРИ—1. Т. 27. № 20273.

³ ПСЗРИ—1. Т. 33. № 25958.

⁴ ПСЗРИ—1. Т. 28. № 21646.

⁵ ПСЗРИ—1. Т. 30. № 23513.

управа, а в областном городе образованы пограничная почтовая контора, городской и земский суды, полиция, городской магистрат и городская дума⁶.

Причиной дальнейшего реформирования административной и судебной организации в регионе стали польские волнения 1831 г. и их поддержка на присоединенных от Польши территориях. С целью предотвращения антиправительственных брожений в местном сообществе в 1831 г. в Могилевской и Витебской губерниях как по правительственной, так и по судебной части была введена общероссийская система⁷. Упразднялись прежние судебные инстанции западных губерний и прекратилось действие Литовского статута, но сохранялось право дворянства избирать председателей палат уголовного и гражданского суда. Присутственным местам и должностным лицам давались действующие в государстве наименования⁸, должностные лица администрации и суда назначались по решению коронных чиновников министерств. Главные суды становились уголовными палатами с назначаемыми и утверждаемыми правительством председателями. Советники губернских правлений, казенных и судебных палат назначались соответствующими министерствами по согласованию с генерал-губернаторами. Прежние «вольные» городские суды заменялись уездными судами, а заседатели и земские исправники по предложению губернатора вступали в должность по приказу губернского правления. Как и оговаривалось заранее, по окончании смуты в 1832 г. были возвращены выборы дворянством земских исправников, городничих и полицмейстеров⁹.

Поскольку революционная ситуация вынуждала правительство в особом порядке заниматься делами белорусских губерний, то был создан Западный комитет в составе председательствующего в Комитете министров, а также шефа жандармов, вице-канцлера, министров: военного, юстиции, государственных имуществ, внутренних дел и управляющих министерств: финансов и народного просвещения и обер-прокурор святейшего Синода. Перед комитетом была поставлена цель предложить меры для сближения возвращенных от Польши губерний с остальными частями империи¹⁰. Утверждению общеимперской системы в полном объеме способствовало введение русского языка в судопроизводство по всей Киевской губернии в 1832 г.¹¹, с условием, что «перемена эта вводилась постепенно и с наблюдением, чтобы не последовало от того никакой остановки в правосудии», с 1833 г. то же было установлено для Подольской и Волынской губерний.

С целью уяснения и разъяснения действия права по территории империи в 1832 г. предписывалось в западных губерниях уголовные дела рассматривать на основании польских узаконений только тогда, когда российские оказываются недостаточными¹². Вопросы ведомственной регламентации и организации судебных органов были решены в 1836 г. «по примеру губерний великороссийских»¹³: в гражданские и уголовные палаты западных губерний (кроме Киевской) избирались дворянством по два заседателя и один назначался от правительства местным начальством (он заменял заседателя от купечества, поскольку здесь оно было представлено не имевшими право выбирать евреями). В Киевской губернии, кроме двух заседателей от дворянства, выбирались еще два местным христианским купечеством; в числе судебных инстанций были учреждены сиротские суды. Вводились городские думы – в местах, где «донныне дум не существует, представлять об учреждении оных министерству внутренних дел, присовоку-

⁶ ПСЗРИ–1. Т. 30. № 23349.

⁷ ПСЗРИ–2. Т. 6. № 4233.

⁸ ПСЗРИ–2. Т. 6. № 4894.

⁹ ПСЗРИ–2. Т. 7. № 5124.

¹⁰ Российский государственный исторический архив. Ф. 1282. Оп. 2. Ед. хр. 335. Л. 1–3 (далее – РГИА).

¹¹ ПСЗРИ–2. Т. 7. № 5354.

¹² ПСЗРИ–2. Т. 7. № 5459.

¹³ ПСЗРИ–2. Т. 11. № 9226.

пляя каждый раз нужные сведения о числе граждан и вообще торгующего класса жителей, о количестве городских доходов, расходов и проч.», причем одна треть членов магистратов могла быть избрана из евреев во всех городах, кроме Киева и Вильны.

Центральная власть и далее продолжила линию на постоянное и систематичное замещение местной правовой системы позитивным правом империи, тем более, что наблюдается общее стремление государства к единообразию в законодательстве путем его учета, иерархической структуризации и делению на основе отраслевого принципа по всей территории. Предпринятая попытка систематизации местного права в Западном Своде 1832–1838 гг. заключалась в исследовании оставшихся некоторых налоговых и сословных особенностей, но вследствие отмены действия источников местного гражданского права и процесса указом 1840 г. «О распространении силы и действия Российских гражданских законов, на все Западные возвращенные от Польши области»¹⁴, данный вариант законов для края не был утвержден. Документ был согласован для выработки единого подхода и устранения недоразумений между ведомствами и губернаторами на местах, поскольку, как отмечается в архивных материалах, прежде действовали «в белорусских: Витебской и Могилевской губерниях и в губерниях Киевской, Волынской, Минской, Гродненской, Виленской и в бывшей области Белостокской (что ныне Ковенская губерния) и Подольской» местные законы, «источником ких служат Литовский Статут и постановления Сеймов»¹⁵. В опубликованном проекте Свода местных законов западных губерний принимаемые меры обосновывались реальным положением в правовом регулировании публичных правоотношений в регионе: «гарантируя присоединяемым областям их прежний правопорядок, русская государственная власть санкционировала состояние, о котором ясного представления не имела»¹⁶.

В 1840 г. западные губернии уже обозначены как «издревле русские по происхождению, нравам и навыкам их жителей» и предписывалось «всякое действие Литовского Статута и всех на основании сего Статута, или в дополнение к оному изданных сеймовых Конституций и иных постановлений прекратить, заменив их общими российскими узаконениями» как в решении дел по существу, так и «в образе и формах производства их и в разделении между присутственными местами». В том же году была приостановлена деятельность Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторства – его функции и дела переданы в ведение министерства внутренних дел¹⁷, а в 1841 г. преобразованы губернии – вместо Белостокской области путем увеличения создана новая Брестская, Виленская же разделена на две – Виленскую и Россиенскую с центром в городе Россиены¹⁸. В правительственных и судебных учреждениях, а также в сословных дворянских собраниях вводился русский язык и общеимперский документооборот, при надзоре законности Министерством внутренних дел¹⁹. Ввиду учреждения общегосударственных судебных инстанций ликвидировались межевые суды, а дальнейшим размежеванием земель поручено было заняться Межевому департаменту Правительствующего Сената на основе общей инструкции. Закрепление такой формы регулирования внутренних отношений в данных губерниях нашло отражение непосредственно в виде разрешения «дворянам Магометанского закона», поселившимся издавна в западных губерниях, владеть недвижимыми населенными имениями, владеть крепостными людьми, держать в услужении по найму христиан²⁰.

¹⁴ ПСЗРИ–2. Т. 15. № 13591.

¹⁵ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Ед. хр. 159. Л. 2.

¹⁶ Свод местных законов западных губерний. Проект / Издали М. Я. Пергамент и А. Э. Нольде. СПб., 1910. С. III.

¹⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Ед. хр. 112. Л. 240–241.

¹⁸ РГИА. Ф. 1287. Оп. 12. Ед. хр. 1683. Л. 2–3.

¹⁹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 31. Ед. хр. 411. Л. 4.

²⁰ ПСЗРИ–2. Т. 15. № 13592.

Результаты анализа и оценки рассмотренных нормативных правовых актов дают основу для некоторых суждений. «Жалованная» форма сохранения от имени монарха местных прав и привилегий, постепенное нивелирование административных различий присоединенных от Польши территорий с внутренними губерниями империи через встраивание правительственных учреждений в управление регионом, осуществление административно-территориальных переделов с целью недопущения консолидации власти в руках сочувствующих польской государственности, а затем планомерная ликвидация автономных начал в праве средствами общегосударственных институтов привели к подчинению западных губерний общеустановленному государственно-правовому режиму. Следствием утверждения единых мер в этой части империи стало закрытие в 1848 г. Комитета по делам западных губерний²¹: император признал «возможным дела по Западным губерниям подчинить общеустановленному порядку» и определил механизм рассмотрения дел территории по общей схеме – через министров и главноуправляющих отдельными частями для решения всех вопросов в Комитете министров.

Подводя итог, подчеркнем, что в продолжение ликвидации управленческой традиции шляхетного дворянства с начала XIX в. и до подавления Польского восстания 1830–1831 гг. создаются правила о выборах в сеймики (чем сведен его статус к подчиненному положению): право голоса и возможности быть избранным на должности; контроль губернаторов за их составом, за деятельностью руководивших сеймиками маршалов, за дворянской кассой и несением земских повинностей и сборов. Согласно такому подходу, в присоединенной в 1807 г. Белостокской области были созданы типовые территориальные правительственные учреждения.

Последовавшее далее реформирование административной и судебной организации в регионе было обусловлено польскими волнениями 1831 г. и их поддержкой в присоединенных от Польши территориях. Были упразднены прежние судебные инстанции западных губерний и прекращено действие постановлений Литовского статута, тем не менее за дворянством сохранялось право избирать из своей среды председателей палат уголовного и гражданского суда. Изменилась система управления по общегосударственному образцу – должностные лица администрации и суда назначались по решению коронных чиновников министерств. Вследствие систематичного замещения местной правовой системы позитивным правом империи и общего стремления власти к единообразию в законодательстве путем его учета, иерархической структуризации и деления на основе отраслевого принципа в 1832–1838 гг. была предпринята попытка в «присоединенных от Польши губерний» создать Западный Свод. Однако уже в 1840 г. на край распространено действие гражданских законов империи, западные губернии обозначаются как «издревле русские по происхождению, нравам и навыкам их жителей». В правительственных и судебных учреждениях, в сословных дворянских собраниях вводятся русский язык и общеимперский документооборот.

Таким образом, рассмотрение обозначенной проблематики подтверждает нашу концепцию о том, что государственное единство Российской империи определялось исторически сложившимися условиями цивилизационного порядка, к которым относятся: а) преємственность в обеспечении законодательством баланса интересов унитарного государства и особых прав и привилегий определенным порядком самоорганизованного социума периферийных регионов; б) бюрократическая монополия на власть при сложноцентрализованном механизме государства; в) пространственно-географические параметры региональной организации территории империи; г) национально-этнические и конфессиональные особенности сословно-структурированного социума; д) динамичные связи политического, экономического, социокультурного взаимодействия между входящими в состав полирегионального государства народами и территориями, которые выступали базой эволюционного развития территориально-законодательного устройства в имперской государственно-правовой конструкции России [2].

²¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 18. Ед. хр. 41140. Л. 1–5; ПСЗРИ–2. Т. 23. № 21908.

Список литературы

1. **Кодан С. В.** Имперские параметры государства и права в России (вторая половина XVII – начало XX века) // Российский юридический журнал. 2013. № 1 (88). С. 16–18.
2. **Красняков Н. И.** Имперский фактор в государственном управлении России XVIII – начала XX вв. М.: Nota Bene, 2011. 373 с.
3. **Красняков Н. И.** К характеристике государственного управления территориями в Российской империи XVIII – первой половины XIX в. // Конституционное развитие России: история и современность: Материалы Рос. науч.-практ. конф. Екатеринбург: ИГП РАН, УрАГС, 2003. С. 187–190.
4. **Лаптева Л. Е.** Эволюция управления центральными губерниями в России XIX – начала XX века // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 3. С. 196–218.
5. **Миллер А. И.** Русский национализм в империи Романовых // Национализм в мировой истории / Под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М., 2007. С. 340–357.
6. **Полвинен Т.** Держава и окраина. Н. И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии, 1898 – 1904. СПб.: Европейский дом, 1997. 318 с.

References

1. **Kodan S. V.** Imperial parameters of the state and law in Russia (the second half of the XVII – the beginning of the XX century). *Russian Law Journal*, 2013, no. 1 (88), pp. 16–18. (in Russ.)
2. **Krasniakov N. I.** Imperial factor in the state administration of Russia in the XVIII – early XX centuries. Moscow, Nota Bene, 2011, 373 p. (in Russ.)
3. **Krasniakov N. I.** On the characteristics of state administration of territories in the Russian Empire of the XVIII – first half of the XIX centuries. In: *Constitutional development of Russia: history and modernity. Materials of the Russian Scientific and Practical Conference*. Yekaterinburg, IGP RAS, UrAGS, 2003, pp. 187–190. (in Russ.)
4. **Lapteva L. E.** Evolution of management of central provinces in Russia of the XIX – early XX century. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2013, no. 3, pp. 196–218. (in Russ.)
5. **Miller A. I.** Russian Nationalism in the Romanov Empire / *Nationalism in World History*. Edited by V. A. Tishkov, V. A. Shnirelman; Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Miklukho-Maklay RAS. Moscow, 2007, pp. 340–357. (in Russ.)
6. **Polvinen T.** Derzhava and the outskirts. N. I. Bobrikov – Governor-General of Finland, 1898–1904. St. Petersburg, European House, 1997, 318 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Красняков Николай Иванович, доктор юридических наук, доцент
SPIN 5429-3412

Information about the Autor

Nikolay I. Krasnyakov, Doctor of Law, Associate Professor
SPIN 5429-3412

*Статья поступила в редакцию 23.08.2022;
одобрена после рецензирования 20.09.2022; принята к публикации 30.09.2022*

*The article was submitted 23.08.2022;
approved after reviewing 20.09.2022; accepted for publication 30.09.2022*